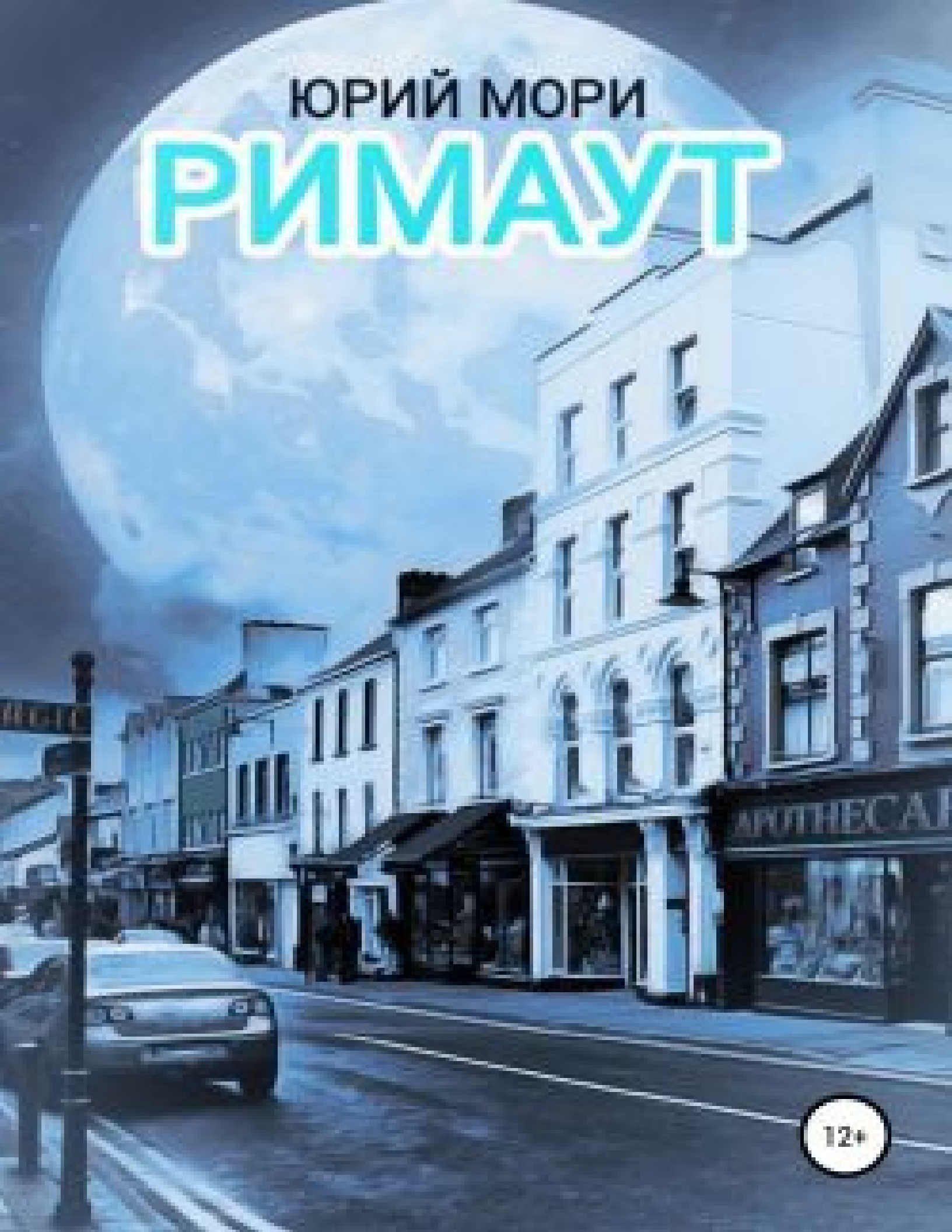

ЮРИЙ МОРИ

РИМАУТ

Annotation

На протяжении веков существует секретное ведьминское общество. Одна из входящих в него ведьм, наставница Мадлен, отыскивает ученицу Агату Фроман. Семейство Агаты переезжает в небольшой европейский городок Римаут, в котором ее отцу Павлу предоставляют работу. За шесть месяцев до описываемых событий в книге, в Римауте случаются таинственные убийства и исчезновения людей. С приездом всё становится только хуже... Понять, кто виноват и что делать, предстоит самой Агате.

0. Выбор

В самом сердце города Блумензее, возле рыночной площади, располагался домик фрау Эльзы. Казалось, он стоял здесь всегда, так основательно выглядели его стены, черепичная крыша и окошко мансарды с толстой рамой из мореного дуба.

На первом этаже был крохотный магазин, полки которого ломились от дешевых безделушек. Все для туристов. Все на продажу. Ничего необычного – керамические собачки с потешно выпученными глазами и пластиковые шарики, внутри которых переливается Синее озеро, давшее имя всему городу. Конечно, здесь же – стопки маек с броскими надписями «Добро пожаловать в Город на озере!». В надпись на немецком вкралась досадная ошибка, что придавало майкам колорита и – как ни странно – увеличивало продажи.

Фрау Эльза, которой не чужда национальная тяга к порядку, заботливо выложила разноцветные футболки так, чтобы даже при случайном взгляде их стопка радовала глаз, и вздыхала. К сожалению, большинство этих сувениров сделано далеко отсюда, руками жителей восточной страны, которым, признаться, было все равно – *wilkommen* или *welcome*, да и куда приглашать – тоже не имело значения.

Лишь бы платили вовремя.

Следом за футболками Эльза собиралась расставить на витрине череду нелепых сказочных гномов, сработанных совсем уже кустарно. По краям их шляп торчали кусочки некрашеного металла, маленькие сморщенные личики вместо довольных улыбок украшали гримасы. Еще и посохи торчали куда-то в стороны, словно оружие шаолиньских монахов. Да и сами шляпки маленького народца не традиционного темно-зеленого цвета, а скорее нежно-травянистого, как молодая поросль весной. Нация торопливых дальтоникиков...

Вздыхнув еще раз, фрау Эльза поправила крайнюю стопку маек и решила отложить раскладывание эльфов на вечер. За окном с пыхтением проехало одно из этих новомодных изобретений – мотоцикл на четырех колесах. На нем гордо восседали юноша – за рулем, и девушка – сзади, тесно прижавшаяся к водителю. Хозяйке магазинчика хотелось, чтобы это была именно девушка, потому как нравы нынешней молодежи... Они допускали всякое, а сядоки были в массивных шлемах – по одежде уже давно не понять, кто есть кто.

– Лючия! Люч-и-ия!!! – громко закричали где-то рядом. Раздался смех, и мимо дверей лавочки пробежали две девчушки, в этих своих нелепых майках до пупка и нарочно порванных шортах. Скорее всего, итальянки.

Шумные бесцеремонные барышни, хотя и вреда от них никакого.

– *Aspetta, Lucia, è un negozio di divertimento!* – донеслось уже издали.

Одна Пресвятая Богородица знает, о чем это они. Хотя «негоцио» вполне могло означать некий итальянский шопинг. Вот им бы и продать эльфов, всю коробку! Девушкам, скорее всего, наплевать, какого цвета будут шапочки.

Фрау Эльза снова вздохнула. Хотелось закрыть магазинчик. Потом подняться на второй этаж, где располагалась ее небольшая квартира, снять надоевший народный наряд и глупую шляпку с лентами, заменив их на джинсы и рубашку. А после пойти повозиться в крохотном огорожке во дворе. К несчастью, вспомнила она, опять увеличились платежи за отопление. Надо было заработать в этом месяце хоть что-то, иначе к зиме придется снова просить деньги у племянницы. Это, по меньшей мере, стыдно.

В свои пятьдесят шесть лет фрау Эльза была замужем всего несколько месяцев в

далекой молодости, весьма неудачно. Детей у нее не было, и единственной родной душой на свете после смерти старшей сестры оставалась Маргрет.

– Добрый день, фрау! – Звякнул колокольчик и в магазин зашел высокий немолодой господин, аккуратно прикрыв за собой дверь. Лицо его было немного напряженным, словно он ломал голову над какой-то мучительной загадкой. – Мне нужно несколько сувениров... э-э-э, для родных и коллег.

Несмотря на то, что по-немецки вошедший говорил довольно чисто, чувствовался акцент, да и паузы между словами выдавали иностранца.

– Добрый день, добрый день! Добро пожаловать! – Фрау оторвалась наконец от маек, вытерла руки о вышитый фартук и поспешила к покупателю. – Вам нужно что-то особенное или на какую-то сумму?

– Я... Мне сказали... – покупатель явно замялся, то ли пытаясь вспомнить, то ли с трудом переводя с родного языка названия. – Мне нужен... э-э-э, хрустальный ключ. Да! Ключ из Блумензее. Меня попросили... – После этих слов он улыбнулся, сразу завоевав симпатии фрау Эльзы.

Хрустальный ключ? Весьма неожиданно для иностранца. Не магниты, не майка с видом озера и даже не китайские эльфы, а именно ключ?!

– Конечно, конечно! – поспешила ответить хозяйка магазинчика. – У меня есть несколько ключей. Пластик, стекло. А, хотите, есть еще несколько шаров для гадания. Прошу вас! Это здесь.

Она повернулась к дальней полке, почти в самом углу. Ключи были немного запылившиеся – не самый ходовой товар, она протирала их неделю назад, но сейчас вид у них был не самый лучший.

– Простите, фрау... – Покупатель не закончил фразу, и она подсказала:

– ...Эльза. Меня зовут фрау Эльза.

– Спасибо. Так вот, фрау Эльза, мне нужен *настоящий* хрустальный ключ. Понимаете?

Незнакомец не сдвинулся с места, даже не вынул руки из карманов короткой курточки, но улыбки на лице у него уже не было, а в облике появилась тень некой угрозы. Странно, как меняет человека выражение лица, которое и до того не было приятным, а уж сейчас и вовсе.

– Не понимаю... – Фрау Эльза ответила машинально, но подумала совсем о другом. Кто?! Кто и зачем прислал этого человека?

– Бросьте! – повысил голос покупатель и медленно пошел к ней. – Вы все понимаете, и вы продадите его мне!

От симпатии к нему у фрау Эльзы не осталось и следа.

И все-таки: кто? Маргрет? Наставница? Они сказали бы и ее имя, значит, исключено. Тогда как он нашел ее? И, главное – что теперь делать? Он стоял между ней и выходом из магазина. Бежать вверх и попробовать запереться в квартире?

– Я не причиню вам ни малейшего... э-э-э, вреда, фрау Эльза! Не бойтесь, мне нужен только ключ. К тому же, я вам заплачу. Довольно много заплачу.

Как же, как же... Заплатит. Никакие деньги не возместят ей ключ. Настоящий. Доставшийся ей от наставницы.

– Вам же нужен сувенир? Возьмите один из этих... – залепетала фрау Эльза, мучительно желая, чтобы в лавочку зашли еще покупатели, пусть даже эти несносные итальянки. А лучше бы парочка полицейских. – Возьмите все эти ключи в подарок, и гадальный шар, и даже вот этого эльфа... Только уходите!

Странный мужчина повернулся к двери, и у нее отлегло от сердца. Он все-таки уходит! Благодарю тебя, дева Мария, славься имя Твое!

Но радость хозяйки была преждевременной: мужчина дернул задвижку на двери и перевернул табличку за стеклом. Теперь любой на улице поймет, что магазинчик закрыт и, даже если подергает ручку, не сможет прийти ей на помощь.

Ох, как же страшно...

По улице с грохотом, от которого жалобно зазвенели стекла витрины, промчался тот же четырехколесный мотоцикл. Вот он с визгом затормозил прямо у двери магазинчика. Теперь сидок на угловатом аппарате был только один. Угрожающий покупатель резко повернулся, чтобы посмотреть на источник шума, и фрау Эльза поняла – это ее шанс. Она схватила из стоявшей на прилавке возле кассы коробки первого попавшегося эльфа и, что было сил, запустила им в стеклянную дверь. Осколки брызнули во все стороны от уродливой дыры прямо над табличкой «Извините, закрыто», а увесистая фигурка едва не попала в шлем водителя квадроцикла.

– Ах ты ж... Черт тебя побери! – взревел жаждущий ключа покупатель, поворачиваясь к фрау Эльзе. Теперь лицо его покраснело, оно было искажено злой гримасой. – Старая ведьма!

Скинув шлем и бросив его на сидение, водитель за дверью подскочил и потряс за ручку. На него посыпались осколки, остатки остекления двери со звоном обрушились вниз. Сунув внутрь руку, водитель нащупал засов и открыл его, пнул дверь и очутился в магазинчике.

– Ты? – выдохнул грабитель и резко достал из кармана куртки какую-то непонятную штуку. Фрау Эльза не видела раньше ничего подобного – на пальцы напавшего на нее человека было надето нечто, напоминающее затейливую гарду шпаги, но, разумеется, без лезвия. Неясное переплетение кованых выступов, лепестков и узоров. Кастет?

Судя по виду, вещь была увесистая и очень старая. Куда старше всех ее сувениров вместе взятых. И гораздо дороже.

– Я. Конечно же, я, – спокойно ответил вошедший. Им оказался щуплый, совсем молодой паренек в яркой майке и джинсах.

Встретившиеся были явно знакомы, от чего фрау Эльзе никак не стало легче. Она вообще не понимала, что происходит. Дверь было жалко – теперь не меньше двухсот евро надо. Придется заказывать новое стекло. Плюс работа.

– Я первый за ним пришел, – сказал грабитель и протянул руку с надетой на него гардой в сторону паренька. – Убирайся!

– Сам уходи. Это не тот дом, здесь пусто. Орден совсем спятил, если посылает кого-то к непосвященным!

Грабитель неприятно улыбнулся, одними губами. Взгляд оставался замороженным, злым, как у мертвой рыбы.

– Хотя бы ключ... Это – тоже добыча.

Парень неопределенно хмыкнул и приказал Эльзе:

– Поднимайтесь наверх, фрау! Вам ничего не угрожает, но отсюда надо уйти.

– Она должна продать мне... – начал кричать грабитель, но его противник строго посмотрел на него. Крик прервался, словно мужчине заткнули рот кляпом.

– Идите, фрау! – мягко повторил юноша.

Не дожидаясь продолжения, фрау Эльза скользнула в приоткрытую дверь, за которой вверх круто поднималась узкая лестница, словно стиснутая каменными стенами. Десять

ступеней, поворот, еще десять – вот она, дверь квартиры.

Запыхавшись, хозяйка магазинчика задвинула за собой тугую засов и почти без сил опустилась на небольшой пуфик. Где же мобильный телефон? Надо немедленно вызвать полицию, пусть они разбираются! Тут вам, слава Богу, не дикая страна, чтобы у почтенной фрау так нагло вымогали принадлежащую ей реликвию! Забавно, но у паренька, который ее, несомненно, спас, тоже был акцент.

Какие-то иностранные мафиози? Наверное, тоже итальянцы...

Внизу, прямо под полом, что-то громко засвистело. Раздались подряд несколько хлопков, и невероятной силы удар сотряс весь домик. Приоткрытое по теплой погоде окно комнаты жалобно звякнуло, рама закрипела и скользнула вниз, ударившись о подоконник. Что бы там, внизу, не происходило, лучше не присутствовать, грустно подумала фрау Эльза.

Раздался еще один громкий удар, сопровождающийся дрожанием стен. Внезапно пол под ногами сидящей хозяйки стал прозрачным, как стекло. Она посмотрела вниз и вскрикнула: ее магазинчика больше не существовало, сплошные обломки полок и прилавка, где в клубах белесой пыли валялись остатки ее товара. По центру показавшегося теперь огромным помещения, сплетаясь воедино и распадаясь, кружились два вихревых столба, белый и черный. Звуков слышно не было, и фрау Эльзе показалось, что она смотрит немой фильм.

Кино о гибели ее маленького бизнеса и надежд на более-менее сытое будущее. Да, если бы она согласилась использовать дар...

Черный столб был повыше, его пронизывали тут и там короткие багровые молнии, похожие на искрящую электропроводку. Белый же, пониже и потоньше, светил ровным ослепительным цветом, напоминая сошедшую с ума лампочку, мгновенно менявшую форму, размеры и положение в пространстве.

О, дева Мария! А ведь ей говорила Маргрет, что ключ не доведет до добра! Призывала ее избавиться от проклятого предмета, разбить его с молитвой и покаянием, а она отказалась... Наставница не простила бы такого, но ее здесь и нет.

Черный вихрь ударил особенно затейливой извилистой молнией в противника. Тот покачнулся и раздвоился, словно пропуская огонь сквозь себя, потом опять сложился вместе.

Фрау Эльза нашла в себе силы встать прямо на прозрачный пол и, придерживая подол платья, мелкими шагами пробежать в комнату. Сражение внизу и сильные удары не прошли бесследно: на пол попадали и раскололись сувенирные тарелки, которые любила привозить Маргрет любимой тете. Упала картина с видом водопада, обнажив дверцу встроенного в стену сейфа. Именно там и хранился хрустальный ключ, за которым пришел этот страшный человек.

Впрочем, человек ли?

Снова глянув вниз, фрау усомнилась в своей мысли. Там продолжалось столкновение стихий. Ни черный, ни белый явно не могли взять верх, но от первого этажа уже почти ничего не осталось. Вместо угла витрины был зияющий пролом на улицу, которой, впрочем, не было видно – только серая клубящаяся мгла, словно дым. Остальное заслоняли кровать и стоявший в углу комнаты платяной шкаф, но Эльза не сомневалась, что и там все разрушено.

«А чью сторону выбрала бы ты сама?», – прозвучало в голове фрау Эльзы. Она уже не могла отличить – то ли это ее собственная мысль, то ли кто-то другой строго и печально спрашивает ее об этом.

– Я... Я не знаю! Всегда буду на своей стороне! – сварливо ответила она вслух. Слова

прозвучали в мертвой тишине странно и напыщенно, как будто она ругалась сейчас на кого-то невидимого. – Мне не нужен этот сатанинский дар!

«Как знаешь, Эльхен, как знаешь...», – грустно откликнулся тот же голос. – «Тогда это сражение будет бесконечным. Но для тебя все кончится быстро, ведь ты так и не сделала выбор».

– Выбор?! – она почти кричит. – Какой выбор? Между добром и злом? Они неразличимы! Любое действие – для кого-то благо, а для другого – вред. Я хотела никогда ни во что не вмешиваться!

«Если есть дар – им необходимо пользоваться... Так или иначе. Иначе он уйдет от тебя. А кто ты без своего дара, девочка?».

Деваться некуда. Придется сделать это прямо сейчас, хотя бы для того, чтобы выжить.

Фрау Эльза открыла сейф и достала ключ, не обращая внимания на бой внизу. В небольшом, сантиметров десяти в длину, предмете кружилась метель. Внутри изящного, старинной работы, полупрозрачного ключа шла какая-то своя жизнь. Полно, да хрусталь ли это?! Густые хлопья белого, чистого снега, сквозь которые то там, то здесь били черные молнии. Видимо, поздно...

Она зачарованно смотрела внутрь и даже не обратила внимания, как по стенам ее уютного домика зазмеились трещины.

...как рухнули перекрытия, погребая под собой ее маленький мирок...

...как взорвался на кухне газовый баллон, превращая жизнь, в которой она боялась сделать выбор, в черное клубящееся ничто с брызгами пламени...

...как ключ выпал из уже мертвой руки, свалился на заваленный пылающим мусором пол, словно пытаюсь убежать из ада...

Как он растаял, чтобы возникнуть снова, но – не здесь. И не сейчас.

1. Кукольник

Небо было ярким, летним. Вот только много в нем, синем, белого: облака комками ваты, паутина следов самолетов. Неправильное небо, совсем непривычное.

К тому же – здесь на севере довольно холодно для середины сентября. Конечно, не Сибирь, солнце ласково грело черепичные крыши, брусчатые мостовые. Да и лежащих в теплых местах котов не забывало. Но осень не только по календарю. Если встать в тени, то непривычно свежий ветерок трепал волосы, старался продуть насквозь майку с портретами ребят из *twenty one pilots* – любимой группы прошедшего лета. По коже бежали мурашки, но девочка не сходила с места.

Агата задумчиво взяла аккорд на гавайской гитаре – подарке отца.

Осень... Звуки всех четырех струн рассыпались, словно хрустальные бусины, по уютному дворику дома, который решили купить родители здесь, в Римауте. Как капли росы легли на торчащие между плиток травинки.

Ей нравился дом. Было в нем что-то для нее непривычное, присущее только этим землям. Не южная неторопливость и лень, а строгость, нотка недалеко отсюда Германии. Красиво и стильно. Но одновременно он и пугал ее чем-то. Казался больше, чем был на самом деле. Притягивал и отталкивал, словно уродливые абстрактные фигуры в галерее родного Глобурга. Там она так же стояла, дрожа. И боясь, и любуясь.

А вот дворик отличный, только украшенная резьбой собачья будка в углу почему-то выглядела неприятно. Пустая, она напоминала брошенный хозяином дом, осиротевший и печальный. Собаку, что ли, завести? Это идея.

Правда, мама будет против. Не любит она животных. Она и людей-то не очень...

Сам домик вовсе не заброшен. На низком, из пары ступенек, крыльце у входной двери стоял его прежний хозяин. Он что-то деловито объяснял ее отцу. Павел Фроман терпеливо выслушивал немного нелепого, в расстегнутой рубашке и с всклокоченными волосами, человечка. Нависал над ним из-за большой разницы в росте. Голиаф и продавец.

– Разумеется, Антон! – время от времени говорил Павел. – Да, господин Рец.

Продавец скидывал голову и обводил дворик взглядом уставших, припухших глаз. В том, как он смотрел, чувствовалась затаенная боль и... прощание, что ли? С этим местом, с неухоженным цветником вдоль низкого заборчика.

Даже с будкой, хотя как раз на нее Антон старался не смотреть.

– Господин Фроман... Мне, право, неловко повторяться, но я бы предпочел наличные. Понимаю, что необычно... – он развел руками. – Считайте это моим капризом... Зато цена! Цена просто отличная.

Отец вежливо кивнул. Цена действительно очень неплохая, на четверть ниже похожих предложений здесь, в Римауте. Да и самих предложений почти нет – крошечная квартирка на ратушной площади, да неухоженный особняк в соседней деревне. Сам город совсем маленький, а недвижимость стоит как на юге. То ли близость к горам сказывалась, то ли еще что-то. В любом случае лишних денег у семьи не было, дом надо покупать.

В Римаут Павла Фромана привела работа. После сокращения штатов найти новую работу было нелегко, и это место, в небольшом филиале банка МаниКэн, он счел за счастье. Сам-то он как-нибудь потерпел бы в съемной квартире на окраине Глобурга, но семья... Да и что это за будущее – терпеть? Нужно искать самому. Вот и нашел. Если показать себя с

правильной стороны, перспективы в МаниКэн отличные. Сеть по всей Европе, филиалы в...

Но рано, рано об этом даже думать!

Осенний ветер таскал по плиткам двора фантик от конфеты, неведомо как попавший сюда, в это чистое и немного заброшенное место. Заставлял оживать кусочек шуршащей пленки.

– Вы уже говорили, Антон. Я решил вопрос, хотя это вызвало некоторые сложности. Деньги у меня с собой, я передам вам у нотариуса.

Продавец часто-часто закивал, Агата почему-то не могла оторвать от него взгляда. В Антоне чувствовались горе и слабость. Резкий душевный надлом. Впрочем, взрослые редко выпускают эмоции наружу, спрашивать она ни о чем не стала.

Да и кто бы ей ответил?

Из открытого багажника «аутлендера», стоящего на узкой площадке под навесом перед въездными воротами, с двумя тяжелыми сумками выбрался Виктор. У них с Агатой не очень большая разница в возрасте, всего-то три года, даже меньше. Но он чувствовал себя взрослым, а она... Она пока нет.

Укулеле, задетая внезапно сжавшимися в кулак пальцами, издала тревожный звук. От этого продавец дома заметно вздрогнул и посмотрел на Агату. Отец оглянулся и подмигнул ей: не шуми, скоро переговоры закончатся. Вик, проходя мимо, недовольно поморщился. Ничего, теперь у нее будет своя комната, играй – не хочу. Даже поздним вечером, вон какие толстые стены. Никому не помешает.

– Сейчас сын разгрузит машину, и мы с вами, Антон, сразу поедem к нотариусу, хорошо?

– Да-да! – опять часто закивал продавец, пропуская Виктора с сумками в дверь. – Моих вещей в доме нет, давно все вывез. Так что ключи против денег. Я вечером уеду отсюда. Надеюсь, что навсегда...

В глазах уже не просто боль – слезы. Но Антон больше ничего не сказал, а отцу было все равно. Им нужен дом. Пусть здесь не такой теплый климат, как на юге, зато свое семейное гнездо. Крепость в изменчивом мире. А если переведут в другой город, всегда можно продать. Судя по всему, даже с выгодой.

Виктор вернулся к машине и вытащил остаток вещей. Мать давно в доме, распаковывает и раскладывает их невеликое имущество по местам. Агата аккуратно убрала укулеле в чехол и тоже пошла внутрь. Она все-таки замерзла, да и пора знакомиться с новым жильем. Хотя... Какое оно новое? Дому лет сто, просто хорошо сохранился для своего возраста.

Отец повел продавца к машине. До Агаты донеслось всего несколько его слов, но прозвучали они слегка загадочно:

– Понимаете, я боюсь здесь оставаться... Как бы Уми не вернулся.

Отец остановился и напрямую спросил:

– Уми – это?..

– Собака. Всего лишь собака, наша с Лизой. Я боюсь, что Уми вернется...

Дальше Агате ничего не слышно, она уже внутри, в пахнущем деревом и специями доме. Слышит возню матери на кухне, но девочка не хочет сейчас помогать. Пусть Вик побегает, а ей хочется в свою комнату. И одеться теплее, с майкой и шортами она с утра промахнулась. Впрочем, в машине-то было тепло.

Скрипучая деревянная лестница с резными перилами вела на второй этаж. Там теперь их жилые комнаты, она уже знает – ее, Виктора, и спальня родителей.

Интересно, есть ли в доме вай-фай?

В автомобиле, стоявшем почти целиком в кустах чуть поодаль от ворот нового дома семьи Фроманов, сидел мужчина.

Он опустил ранее прижатый к глазам сложный объектив с направленным на дворик микрофоном. Мужчина явно пребывал в раздумьях. Он слышал весь разговор, он даже слышал, как Агата играет – кстати, у девчонки явный талант. Но вся эта информация не дала ему ровным счетом ничего. Цель его приезда в другом, а все эти мелкие странности с домом, оплатой наличными и судьбой какой-то собаки... Ему нет до этого дела. Пожалуй, стоило бы ехать следом за машиной этого Фромана и продолжать наблюдение. Не просто так же он приехал сюда, в Римаут. Предварительные сведения были довольно точными, но здесь, на месте – никаких зацепок.

Пока. Конечно же, только пока. Он никогда не приезжает зря и всегда добивается своего. Неприметный синий «пежо» тронулся с места и поехал следом, едва только автомобиль Павла добрался до ближайшего перекрестка.

Отец приехал через несколько часов, довольный и веселый. Агата как раз спустилась на кухню сделать себе бутерброд с ореховой пастой, поэтому слышала его рассказ.

– Мари, он совершенный псих! Нотариусу пришлось даже попросить справку о душевном здоровье. У него есть, кстати. Как это ни забавно. Но что он плел по дороге, Пресвятая дева!

Мама вопросительно посмотрела на него.

– Наш продавец, оказывается, был владельцем магазина игрушек. Не просто перепродавал все эти китайские трансформеры и куклы, нет! Он многое делал сам. Люди не хотели их покупать, но он делал и делал. Магазин пришлось продать. Немудрено, что он разорился! Еще у него была жена и куда-то пропала, – я думаю, просто сбежала от сумасшедшего. Возвращения собаки он боится, с ума сойти!..

Мария кивнула, наливая мужу луковый суп и раскладывая на тарелке хлебцы. На кухне уютно, все-таки умели раньше строить дома. Небольшие окошки с видом во двор, старая, но прочная мебель и удивительно современная плита, с кнопками и дисплеем, сразу приглянувшаяся матери. В углу равнодушно урчит холодильник.

Виктора не видно. Наверное, настраивает у себя в комнате сложный комплекс из настенного телевизора, пузатого системного блока и музыкального центра. Мальчишеские игрушки! Агата фыркнула над своими мыслями, но отцу показалось, что это он ее насмешил.

– Да, и не смейся. Я заехал в школу, дочка! – дожевывая хлебец, сообщил Павел. – Договорился. С завтрашнего дня пойдешь, нормальное место, высшая ступень... С Виктором сложнее, приличные колледжи довольно далеко, придется подумать, где он будет учиться.

Сверху послышался приглушенный шум: братец явно подключил аппаратуру и теперь проверяет мощность звука. Если это на всю, то им повезло – в доме действительно толстые стены. Шум стихает. Наверное, сам не выдержал, уши завяли.

– Хорошо, папочка, – ответила Агата.

Она любит отца. И не только потому, что родной, – ей нравится смотреть на него. Высокий, с грубоватым лицом, он для всей семьи прежде всего символ надежности и спокойствия. Мать мягче, ей не решить и десятой доли проблем, которые так или иначе преодолевает для них отец.

– Вот и славно, принцесса. Одежда у тебя есть, старый рюкзак тоже пойдет, хотя бы до

Рождества. Денег после покупки дома осталось маловато.

– Я понимаю, папа.

Мария тоже села за стол и посмотрела на Агату:

– Доченька, это новый для тебя город. Новые люди. Будь вежлива со всеми, нужно сразу создать себе хорошую репутацию.

В этом – вся мать. Репутация. Главное в жизни. Правила, устои, приличия.

Девочка начала быстрее доедать бутерброд, чтобы скорее вернуться в свою комнату. Она уже взрослая. Она все понимает. У нее свои интересы и своя жизнь, скрытая даже от Вика, не говоря уже о родителях.

– Да, мамочка. Все будет хорошо.

На стол падали крошки от тоста. Агата цепляла их пальцами и отправляла в рот. Привычки бедняков, так обычно говорит мама и вздыхает. Что поделать, они действительно небогаты.

– Представляешь, Мари, наш продавец дарил жене на праздники свои поделки! Он сам говорил – полгода назад сделал ей талисман. Какое-то местное словечко... А! Оберег. Игрушечного воина размером с ладонь. А жена все равно ушла. Можно, я не буду дарить тебе куклы?

Родители засмеялись, а Агату почему-то охватила неприятная морозящая волна, как из открытой дверцы холодильника. Непривычно. Надо будет подумать о причинах.

Раздался звонок в дверь.

В настолько старом доме ожидаешь нечто иное: колокольчик или вовсе дверной молоток. Но нет, вполне современная электронная трель. Четыре ноты. Отец вытер салфеткой губы и, удивленно вскинув брови, пошел открывать. Наверное, соседи пришли знакомиться. В таких маленьких городах это принято. Или нет?

Агата решила остаться на кухне: интересно же, кто пришел.

Отец вернулся еще более удивленным, чем уходил открывать дверь. За ним шел невысокий полицейский, заметно располневший, в мятой форме. Если бы не шевроны и кобура на поясе, он был бы похож на типичного продавца в маленьком магазине. Или на почтальона.

На вид ему было лет сорок, сорок пять. Сложно сказать точнее.

Вошедший обвел взглядом кухню, словно стремясь ткнуть своим крупным носом во все углы. Этот его нос в сочетании с маленькими глазками делал лицо местного полицейского неприятным. Не злым, но довольно несимпатичным. Игрушечный раздраженный тапир – вот на кого он был похож.

– Томас Каневски, полиция Римаута, – доложил тапир. Голос тоже не верх совершенства, скрипучий и холодный. – Представьтесь, пожалуйста. Нам так будет удобнее говорить.

– Павел Фроман. Мы только сегодня переехали в этот...

– Я знаю. Вы кто по профессии?

– Банковский служащий. Устроился в местное отделение МаниКэн.

Полицейский уже сидел за столом, записывая что-то в пестрый блокнот. Почерк у него мелкий, аккуратный. И писал быстро.

– Ясно, спасибо. А вы? – он повернул голову к женщине и вновь повел носом, будто принюхиваясь.

– Мария Фроман. Домохозяйка, – коротко ответила мать. Но не улыбнулась, видимо,

полицейский ей тоже не понравился.

– Прекрасно. А девочка?

– Послушайте! Мы не в Северной Корее, в конце концов! – не выдерживал Павел. – Какое вам дело до моих детей?!

– У вас их несколько? – совершенно спокойно уточнил Каневски. Его ничуть не задевало волнение хозяина дома.

– Двое, – уже спокойнее проворчал отец. – Агата и Виктор. Сын сейчас наверху.

– Благодарю, – ответил полицейский. Дописал и перевернул лист. – Мне нужны ваши показания, господин Фроман. Вы же оформляли покупку дома у Антона Реца?

– Разумеется... – Павел немного озадачился. – У нотариуса. Он может подтвердить. Да вот и документы, я их еще не убрал.

– Нотариуса я опросил первым, – Каневски поднял взгляд от блокнота. – Вы оплачивали наличными? Довольно необычно в наше время.

– Это была прихоть самого Антона. Но я не понимаю, с чего полиции интересоваться такими...

Полицейский прищурился и записал в блокнот что-то еще.

– Дело было около часа дня сегодня. Все верно? Куда потом пошел господин Рец?

– Я не смотрел на часы, – ответил Павел. – Куда? Тоже не знаю. Мы расстались возле офиса нотариуса. На выходе. Я предложил подвезти, но Антон отказался.

Почему-то Агате стало совсем неудобно. Даже не ветерок – ощущение, что за шиворот вылили стакан холодной воды, и теперь струйки стекают по спине, вызывая легкий озноб.

– Господин Рец был убит. На авгостоянке, возле своего автомобиля.

Мария негромко вскрикнула. Отец остался внешне спокойным, но лоб изгибом прорезала морщинка. Так бывает, когда Павла что-либо беспокоило.

Наступила тишина. Время, если вообразить его маятником часов, застыло в одной точке, зависло, как на неудачной фотографии, где у всех к тому же приоткрыты рты.

– Вы что, меня подозреваете?! – растерянно спросил Павел после паузы.

– Пока нет. Мы же беседуем у вас дома, а не в комиссариате. Просто опрашиваю. Денег ни на теле господина Реца, ни в его машине не обнаружено. Кто еще, кроме вас и нотариуса, знал о сделке?

Отец глубоко задумался. Морщина на лбу стала глубже. Вместо узкой канавки – улыбнись и уйдет – превратилась в каньон. Того и гляди, над ним начнут парить грифы.

– Никто... Вроде бы. Жена и дети, но они-то при чем?

– Вы кому-нибудь говорили? – так же спокойно уточнил Каневски у Марии. – А ты, девочка?

Он взглянул на Агату. Какие неприятные маленькие глазки! Ей было неприятно, но и отвернуться почему-то не получалось.

– Мы никого здесь не знаем, – ответила за обеих мать. – Кому я могла бы сказать?

– Нет, – коротко сказала Агата и все-таки отвернулась. – Папа, можно мне пойти к себе?

Павел рассеянно кивнул. Она встала из-за стола, спрятала банку ореховой пасты в холодильник и вышла из кухни. В полной тишине, прерываемой только шелестом ручки полицейского о лист блокнота. Маятник возобновил ход, но качался заметно реже, словно воздух сгустился вокруг воображаемых часов. Или – не воображаемых, а таких, как забавное старомодное сооружение у нее в комнате.

– Как он погиб? – Агата услышала вопрос отца уже от лестницы.

– Ножевые раны. Изуродовано лицо. Очень много крови, с трудом опознали, – ровно ответил Каневски. – Итак, подведем итоги... Хотя нет. Позовите мальчика, я должен опросить и его.

Агата поднялась по лестнице и толкнула дверь Виктора. Брат, конечно же, валяется на кровати с пультом приставки в руках. На экране стрельба и взрывы, ему это нравится.

– Спустись на кухню, – сказала Агата и ушла к себе, не дожидаясь ответа.

Ее колотил озноб. Только утром видела этого несчастного растрепанного человека, продавца, а вот его уже нет. Ужасно...

Агата взяла в руки укулеле, но пальцы не слушались. Она не сможет сейчас играть: перед глазами стоял взгляд Антона, полный боли и грусти. То ли она излишне чувствительна, то ли дело в чем-то еще. И это важно для нее, для всей семьи. Подумать. Ей нужно подумать.

Она пристально посмотрела на башенные часы в углу комнаты. Они стояли там, похоже, лет сто – массивные, из черного лакированного дерева, высотой почти под потолок. И не шли, хотя она первым делом приоткрыла дверцу, подергала за толстые цепи с гирьками на конце. Нет, никаких шансов. Жутковатое сооружение, зачем оно здесь?

Ужин прошел почти в полном молчании.

Нет, отец пытался говорить, что-то спрашивал у Вика, улыбался иногда, но всем было невесело. Само собой, Павла полиция подозревать не могла, но гибель пусть и случайного, но знакомого, да еще и довольно страшная... Мария говорила о школе, о важности образования, но Агата не слушала. У нее свои мысли, от которых время от времени отвлекал лежащий на столе смартфон. Сообщения от бывших школьных подруг. Лайки ее утренних фотографий домика в инстаграме. В сети кипела жизнь, даже завидно. А вот здесь было слишком тихо и слишком... неприятно. Утренняя радость от дома и двора сошла на нет.

– Сегодня ложитесь пораньше, – сказала Мария детям. – Первый день на новом месте, столько впечатлений... Да и это...

Мать берегла репутацию. Для нее даже сказать «убийство» неестественно. Поэтому она оборвала фразу на середине.

Агата пошла в комнату, слыша скрип ступенек за спиной – Вик поднимался следом едва не бегом. Еще толкнет – с него станется. Грубый неуклюжий мальчишка. Он хороший, конечно, но мог бы быть вежливее. И тише, если уж на то пошло, а то топают как слон.

Последним, уже перед сном, Агате пришло сообщение по мессенджеру. Переписку с этим номером она всегда стирала сразу после окончания. Не хватало еще, чтобы кто-то увидел: слишком много возникнет вопросов. Особенно у мамы, она вечно боится непонятных знакомств. Незвестных людей. Неясных ситуаций.

«Привет. Узнала что-нибудь по теме?».

«Пока нет. Но сегодня в городе снова убийство. Завтра буду спрашивать в школе».

«Будь осторожна».

«Ок».

На экране время отправки – половина двенадцатого. Стереть чат. Спать. За окнами давящая, чуждая после большого города тишина. Ни гудков машин, ни загулявших допоздна туристов.

Агата будет осторожна, все верно. Но – уже завтра.

2. Первая ночь

От старых стен веяло холодом. Наверное, чепуха, просто так кажется во сне, хотя Виктор точно не знал. Он проснулся в липкой тишине, будто обволакивающей его постель. Проснулся и посмотрел в потолок, куда падал отсвет часов на музыкальном центре – еле уловимое, размытое зеленое пятно.

– Принес же нас черт в деревню! – вслух сказал он.

Звук собственного голоса не успокоил, как обычно бывает после тревожного пробуждения. Наоборот, последующая тишина стала еще неприятнее.

Но ведь что-то его разбудило?

За толстенной – из пушки не пробьешь – стеной, разделяющей комнаты, вновь раздался неясный звук. Скрежет чего-то металлического, будто у Агаты стоял небольшой экскаватор, и сейчас он попытался прогрызть кирпич, звеня ковшом. Ничего необычного где-нибудь на стройплощадке, но не в комнате же девочки-подростка!

Одеяло долой. До выключателя идти лень, поэтому Виктор подсветил себе телефоном, ища на полу сброшенные вечером спортивные штаны и майку. Подвернулся под ногу лежащий вверх подошвой кроссовок. Отлично, еще бы второй...

Скрежет повторился. Он какой-то странный, приглушенный, непонятно даже, в комнате ли по соседству. Может быть, в коридоре, а то и на крыше. Иди пойми, если Виктор сам дом-то до конца не облазил вчера, некогда было. Точно не в подвале, остальные варианты возможны.

Второй кроссовок валялся под кроватью, в углу у самой стены. Пришлось лечь на неприятно холодный пол и вытянуть до упора руку, прижавшись щекой к раме кровати. Так... Еще. Ага, нащупал!

Он обулся и стал готов к выяснению отношений с экскаватором. В голове крутились нелепые картинки из «Трансформеров». Виктору показалось, что он обнаружит в комнате Агаты нечто подобное: сестра со скуки общается с роботами. И играет им на укулеле.

Парень начал смеяться. Тишина больше не казалась липкой и необычной, она вообще развеялась без следа, как обрывок паутины, небрежно сброшенный тряпкой. И никакого холода, кстати! Конечно, приснилось.

Дверь из комнаты под стать почти всему в этом доме – никакого пластика. Деревянное полотно в три пальца толщиной, висящее на двух мощных петлях. Рядом с начищенной медной ручкой – скважина замка. Добро пожаловать в девятнадцатый век! Здесь можно снимать исторические драмы и камерные детективы. Убийство в закрытой комнате или Арсен Люпен – грабитель холодильников.

На пороге Вик оглянулся: отсюда часы прекрасно видно. Три двадцать одна. Нелепо будет вломиться к сестре полчетвертого утра, но скрежет повторился. В коридоре он был слышен лучше, и звук явно шел из ее комнаты. Мало ли что там, нужно проверить.

Шаг. Еще. В отличие от лестницы, доски пола не скрипели. Он шел совершенно беззвучно. Привидение в кроссовках.

Перед дверью в комнату Агаты Вик остановился и прислушался. Да, это здесь. Причем вблизи был слышен не только скрежет, прерываемый секундами невнятного стука и шороха, но и чей-то тихий голос. От последнего по спине пробежали мурашки – если это говорит сестра, пусть даже во сне, завтра надо вызывать экзорциста из ближайшего собора. Голос

низкий, мужской, но слова не разобрать. Возникло ощущение, что его обладатель бурчит себе под нос песню на неведомом языке.

Черт побери! Да это же наверняка воры! А он, Виктор, стоял тут с голыми руками. Зайдет и сразу же получит по голове... Только вот куда делась Агата? Или спит, или они ее связали, это чтобы не предполагать худшее.

Вик бегом вернулся в свою комнату и мучительно попытался найти хоть какое-то оружие. Вот увлекайся он бейсболом или гольфом, вопросов бы не было. Бита или клюшка прекрасно подошли бы к разговорам с говорящими экскаваторами. Но он фанат игр и телека, так что... Скейтборд?.. Хотя нет, стоп! Есть же гантели. Вот это нормально! Осталось найти, куда их сунула мать, разбирая вещи при переезде.

Он порылся в сумке, разбрасывая провода, книжки, носки и тетрадки. Есть! На самом дне лежали две блестящие даже в полутьме комнаты гантели по пять килограммов каждая. Обе сразу – тяжеловато, а вот одна вполне может послужить оружием.

В комнату Агаты брат ворвался, уже не задумываясь. Бегом, шумно хлопнув дверь. Только вот никаких воров там не было. По крайней мере, ЭТО, посередине между кроватью и стенным шкафом, не похоже на ночного грабителя. Черт его разберет, на что оно было похоже.

– Ты вообще... кто?! – испуганно воскликнул Виктор.

Фигура повернулась, лязгнув чем-то железным внутри. Почти двухметровое нечто на самом деле – не ввали комиксы! – напоминало робота. Только очень странного. Сооружение было больше похоже на старинную игрушку: дерево, краска, короткие загнутые сабли в обеих руках, кривоватые толстые ноги в сапогах. Сквозь сочленения монстра пробивался лунный свет из распахнутых штор – Агата их никогда не закрывала.

– Р-р-р-м-м-м! – неведомо чем прогудела жуткая игрушка. Рта-то нет. Вместо головы у нее был металлический шар с нарисованными глазами и носом. Губы искривлены в застывшей презрительной ухмылке.

Как это у русских называется, матрешка?! Вряд ли детские игрушки настолько велики, даже у них... И уж совсем сложно было поверить, что нарисованные краской глаза могли так жутко светиться в темноте. Тревожные такие багровые угольки, как отблески гаснущего костра.

Виктор замахнулся гантелями, но ближе не подошел. Ему страшно. Ему дико страшно, как не было даже в детстве, когда он едва не утонул в море. Сунулся купаться в шторм, а потом не мог вылезти на берег – волны в последний момент стаскивали его обратно, срывая плавки, волоча к себе, в глубину. И рядом никого.

Фигура растопырила руки, отчего сабли уперлись в стены. Потом начала царапать вековой кирпич, раздирая обои и штукатурку. Именно подобные лязг и скрип разбудили Вика чуть раньше. На дверце шкафа, случайно задетой лезвием, остался глубокий разрез.

– Агата! – закричал Виктор. Теперь уж не до тишины и здорового сна окружающих, он перепугался насмерть. – Ага-а-ата!!!

– Р-р-р-м! – с другой интонацией, надо же... словно посоветовала что-то.

Чудовищная матрешка начала двигаться прямо на парня, качая головой. Острые лезвия прорезали длинные царапины на стенах, потом резко, рывком, сошлись в воздухе недалеко от Виктора. Парень почувствовал колебание воздуха, прямо перед его лицом заскрежетали друг о друга сабли.

Вик ударил гантелями прямо по ним, добавляя звона и грохота происходящему. Как по

резине ударил – спортивный снаряд отлетает назад, едва не вырываясь из руки. Надо бежать и звать на помощь, не справится ему одному с этим монстром. Виктор повернулся к двери, но ее не было – перед ним ровная стена, оклеенная старыми, как и везде в доме, обоями в крупную вертикальную полоску.

Сзади вновь раздался протяжный скрип, лязганье металла.

Парень ударил оттягивающей руку гантелей в стену, на которой остались глубокие вмятины, но понял, что так никогда отсюда не выберется. Он что-то заорал, то ли позвав родителей, то ли просто попытавшись защититься от ужаса животным воплем, в котором уже нет слов. Только страх и беспомощность.

– Нет! Не-е-ет! – он бросил ненужную гантелю на пол и начал лупить руками по стене. Позади него гремели и лязгали все те же кошмарные звуки, звон, скрипы.

Виктор сполз на пол. Ни сил, ни смелости – ничего внутри него не осталось. Только дикое желание жить, вопреки этой смертоносной кукле сзади. Вопреки всему.

Он не видел, как непонятное существо последний раз клацнуло саблями, покрутило головой, будто прислушиваясь к чему-то, и начало растворяться в воздухе, расползаясь и исчезая как клубы дыма. Через несколько мгновений сзади Вика уже никого не было, но он об этом еще не знал.

Я не знаю, зачем меня сделали. Мне даже думать тяжело: голова-то у меня – одна видимость. Шарик от подшипника с нарисованным лаком лицом.

А нет, знаю! Вспомнил: я же защитник. Талисман. Оберег. Воин со страхами хозяйки Лизы. Карманная игрушка для тех моментов, когда вдруг станет не по себе. И сабли мои остры! Я могу разрубить ими что угодно – от спички до тонкой веточки. Если хозяйке вообще придет в голову такая блажь – рубить мной что-то.

Она очень добрая, моя хозяйка. Добрая и немного несчастная, потому что у нее нет детей. Они с Антоном счастливы, но не совсем. Не вполне. Поэтому меня и сделали таким, не совсем добрым. Счастливые люди не делают женам кукол с саблями. Они делают погремушки, качели, игрушечных кукол и солдатиков, но – безопасных для маленького существа. Они греют в микроволновке молоко и не спят ночами.

Откуда я это взял? Непонятно...

Я тоже маленькое существо. Куда миниатюрнее собаки, ведь Уми больше метра в длину, а я в десять раз меньше. Обычно я стою на полке. Иногда хозяйка берет меня с собой. Стоял. Брала. Я путаюсь во времени и ничего не понимаю в часах. В одной из комнат дома я видел огромные часы, больше человека. Наверное, они сломаны. Стоят и молчат.

Но я сейчас не о часах. Я и сам не знаю, что делаю в этой комнате. Раньше здесь ночевал хозяин, когда засиживался в мастерской до ночи и не хотел будить Лизу. Тихо пробирался сюда и ложился спать.

И часы по-прежнему здесь. А за стеной комната для гостей, которых никогда не бывает. Забавно: комната для тех, кого нет.

А теперь я сам ничего не понимаю. В комнате чужие вещи. Пахнет не так, неправильно, другими людьми. Может быть, наконец-то приехали гости? Приехали и расселились по всему дому.

Но где тогда хозяйка?

Где Антон?

И самое главное – почему я стал таким большим? Стою посреди комнаты, а голова под потолок. Моя голова, сделанная из шарика, никаких сомнений. Откуда я здесь взялся и зачем?

Мне приказали. Кто-то страшный приказал, иначе бы я не послушался. Не Лиза и не хозяин – кстати, я по ним соскучился. Насколько я вообще могу скучать, я, уродливая кукла из крашеных обрезков дощечек, шарика от подшипника и двух кусков старых лезвий ножей.

А теперь я велик и страшен. Что большой – понятно, но почему страшный? Почему этот незнакомый мне паренек – наверное, из этих, из гостей – так страшно кричит, увидев меня? Одни вопросы. Вопросы, от которых моя железная голова плавится как воск на жаре.

– Не бойся! – говорю я. Ничего не выходит, только напугал еще больше.

А что-то толкает меня, жжет мою деревянную грудь, где нет сердца. Где нет даже места для сердца – откуда оно в обрезке старого ящичка. Толкает к этому мальчишке и требует зарубить его саблями. Хочет зачем-то, чтобы по хозяйским обоям протянулись красные, застывающие как краска полосы. Чтобы я рвал и резал этого незнакомого мне человека.

– Беги! – кричу ему я. Но он не слышит. У него истерика – я запомнил это слово, у Лизы была однажды. Тогда Антон обнял ее, усадил себе на колени и гладил по голове, пока она не перестала всхлипывать.

Может быть, нужно это?

Я иду к нему, растопырив руки – на шарнирах, с вделанными намертво лезвиями. Сейчас я обниму мальчишку и посажу к себе на колени. У меня никогда не было пальцев, жаль. Чем его погладить – не знаю.

Что-то толкает в спину, чей-то приказ. Но я не создан для убийства, я же защитник. Для меня это ненормальная мысль: если я такой большой, то могу и убить человека. Уже приходилось. Надо обдумать ее снова и принять решение. Но убивать не этого, другого, нашептывающего мне черные приказы. Того, что стоит за моей спиной и толкает, толкает, толкает...

За дверью кто-то бежит. Сюда. Я так привык к дому, что чувствую многое в нем.

Кто-то за дверью приближается. Мне – или тому, кто за спиной? – становится страшно. Да, именно ему. Меня отпускают прочные цепи, заставившие стать большим. Стать злым. Прийти сюда. Я распадаюсь на тонкие струйки воздуха, с сожалением глядя в затылок испуганного паренька. Он уже не кричит – хрипит, упав на колени и молотя кулаками по стене. Забавная железка, с которой он пришел, валяется на полу.

Меня гонит прочь одна сила, за дверью, и нехотя отпускает другая.

Та, что за спиной.

– Ты что здесь делаешь? – спросила Агата. – Чего орешь?

Загорелся верхний свет. Оттолкнув стоящую на пороге дочку, в комнату вбежал Павел. За ним, кутаясь в плед, шлепала босыми ногами мать.

– Что здесь происходит? – спросила Мария. Задела ногой гантелю, со скрипом откатившуюся по доскам, и поморщилась. Наверное, отбила себе все пальцы.

– Он... здесь? – с трудом выдохнул Виктор, с трудом вставая с пола. В залитой электричеством комнате, да еще и перед всей семьей было стыдно так уж бояться. Но страх не отпускал, держал холодными пальцами сердце, сжимал его. Пульс под горлом бился

настолько гулко, что Вик удивился – как этот стук не слышат все кругом.

– Кто? – спокойно спросила Агата. – Нет здесь никого. Только один забавный подросток. Борец с кошмарами в чужой спальне.

Отец положил ей руку на плечо, призывая помолчать. Ему было непонятно, что происходит, но вечная пикировка между детьми сейчас явно не к месту.

– Кукла... Монстр... – с трудом глотая воздух, пробормотал Вик. Он чувствовал на щеках слезы, но даже не понимал: сейчас расплакался или еще тогда, один на один с чудовищем. Стыдно-то как... Почти восемнадцать, а рыдает как ребенок.

– Успокойся, нет здесь никого... Мария, срочно вызови врача, у парня шок. Я вчера записал все местные телефоны разных служб, как знал. Листок на кухне. Под магнитом на холодильнике. – Павел был нарочито спокоен и уверен в себе. Больше на публику, но куда деваться – отец семейства. – Я пока посижу с Виком. Кстати, дочка, а ты-то куда выходила из комнаты?

Агата задумчиво нахмурила брови. На ее полудетском лице это выглядит слегка комично, как ранний, не по возрасту, макияж.

– В подвал, папочка.

Виктор нервно оглянулся на нее. Потом посмотрел на стены комнаты, на мебель и не поверил своим глазам. Никаких царапин, разрезов, вообще ни следа от сабель в руках этого жуткого существа. Спальня сестры выглядела настолько безобидно, насколько это вообще возможно для старого дома. Легкий ветер шевелил гармошками штор по бокам окна, а за стеклом уже начало наливаться предрассветным сиянием небо.

– В подвал?! Но зачем? – успевая погладить по голове прижавшегося к нему и все еще всхлипывающего сына, уточнил Павел.

– Мне показалось, что меня зовут, – ответила Агата. – Я проснулась и пошла проверить. Там никого нет, кстати. Пожалуйста, не волнуйся.

Отец был искренне рад, что хотя бы ее успокаивать не надо. Он ничего не понимал, но сейчас и не до того – нужно сперва привести в чувство сына.

Мария побежала вниз, а Павел увел все еще плачущего, нервно оглядывающегося парня в его спальню. Так будет лучше, уж если Виктор настолько испугался чего-то здесь.

Агата внимательно посмотрела на измазанные, во вмятинах обои у стены – брат колотил кулаками именно там. Капли крови, уже расплывшиеся, мелкие, будто складывались в какой-то узор. В незнакомое созвездие, по которому можно было бы понять...

Хотя нет, ничего понять было невозможно. Она вздохнула и села на кровать. Сон и так безнадежно был испорчен странным зовом из подвала, куда пришлось спуститься. А потом еще и это. Когда она бежала вверх по лестнице, тоже слышны были вой и скрежет из комнаты, но родителям об этом говорить не стоит. Лишнее волнение, тем более что она сама не может сказать, что именно слышала.

Девочка взяла укулеле, подержала в руках, но потом отложила на место. Не время. Да и настроения нет. Ей все больше не нравился этот дом с его пугающими загадками.

Наушники и немного музыки из YouTube? Пожалуй, что так.

Доктора звали Кольбер. Павел даже не уточнил, имя это, фамилия, или вовсе – специальность. Совершенно не до того.

Виктор лежал, уткнувшись лицом в подушку, пока приехавший по срочному вызову доктор Кольбер, высокий, но какой-то рыхлый, совершенно неспортивного облика, со

смешными усиками а-ля Эркюль Пуаро, водил по его спине фонендоскопом. Потом заставлял подняться, измерял пульс, смешно шевеля губами. Внимательно осмотрел зрачки в свете яркого фонарика. Зачем-то внимательно изучил сгибы локтей, постучал пальцем по венам. Напоследок обработал разбитые костяшки пальцев антисептиком и забинтовал их, из-за чего Вик сам себе начал напоминать боксера после тяжелой схватки.

– Приснилось... – пробормотал Кольбер. – Конечно, приснилось! Не может в нашем маленьком прекрасном городке быть эдаких ужасов. Не Голливуд же. Вы, юноша, кстати, никакое кино на ночь не смотрели? Нет? Странно... Обычно от этого бывает. И ничего... эдакого перед сном не принимали? Замечательно!

После этого он расспросил Вика о подробностях кошмара. Юноше было крепко не по себе, он отпивал из принесенной матерью кружки воду и, запинаясь, рассказывал. С самого начала и до того момента, как в комнату прибежали родные.

Павел стоял рядом с кроватью сына, испытывая некоторое бессилие – так обычно бывает, когда болеют дети. А это явно болезнь, стресс после переезда. Не более того, не стоило так уж сильно пугаться.

– Доктор, он обычно очень спокойный ребенок! Я бы скорее подумал, что кошмар приснится младшей дочери, но нет... Ничего не понимаю.

Кольбер закончил осмотр и начал писать какие-то рецепты и рекомендации, присев за низким столиком у стены, где стояла PlayStation. Покачал головой. После полез в свой чемоданчик и достал несколько блистеров таблеток. Параллельно врач успокаивал расстроенного отца и уверял Виктора, что это – уникальный для него, единичный случай – видимо, возрастной сбой психики.

Мария, уже полностью одетая, принесла медицинскую страховку сына. Доктор, дальновзорко отодвинув от глаз пластиковую карточку, аккуратно переписал с нее номер.

– Замечательно! Благодарю вас! – сказал Кольбер. – Так вот: по две таблетки успокоительного, утром и вечером. Плюс вот это лекарство, витамины и покой на протяжении двух-трех дней. Желательно... – он покосился на игровую приставку и телевизор, – исключить посторонние раздражители. Сон, гимнастика. Можно погулять по нашему чудесному Римауту, но, конечно, не в одиночку. Потом ко мне на прием, адрес на рецепте.

Мария унесла пустую кружку сына и пачку медицинских полисов – всех четыре, она захватила их вместе, не разбираясь.

Кольбер на прощание еще раз успокоил Виктора и выключил свет в комнате. В окно, несмотря на шторы, уже всюду светило рассветное солнце.

Павел пошел вниз, чтобы проводить врача, но тот в прихожей остановил хозяина и нервно осмотрелся:

– Нас здесь никто не услышит, господин Фроман?

Павел удивленно приподнял бровь. Неужели диагноз хуже, чем врач старался показать при Викторе?

– Нет, все сейчас наверху. А что стряслось?

Кольбер провел пальцем по ниточке усов, словно колеблясь – стоит ли говорить. Потом решился. Сделал шаг к хозяину дома и, оказавшись совсем близко, тревожно прошептал:

– Вы зря купили этот дом, уважаемый! Я сам ничего не знаю толком, но слухи по городу очень уж нехорошие... Никто покупать не хотел, никто. И самого Реца убили, вы же слышали?

Павел, оторопев, посмотрел на доктора. Тот явно не хотел ничего больше говорить, просто с сочувствием смотрел ему в глаза.

– Да, но... Вот ведь, черт... С сыном все нормально? Мне сейчас только это важно – у него единичный кошмар или что-то тяжелее?

– С вашим сыном? С ним все хорошо. Просто я боюсь, это был не кошмар. Уехали бы вы отсюда...

Врач открыл дверь и, кивнув напоследок, просочился во двор. Павел посмотрел ему вслед, в голове была непонятная путаница из непонимания, испуга и удивления.

– Как – уехали? Куда?!

Но он разговаривал с уже захлопнувшейся дверью.

Осталось пожать плечами и пойти наверх. Спать сегодня не придется, некогда, пора уже неторопливо собираться на работу. Первый день на новом месте начался довольно странно, но Павел решил не обращать внимания. В маленьких городах люди всегда довольно странные: свободного времени много, поэтому в голове появляются самые дикие мысли. А ему надо работать. Много работать, и тогда карьера пойдет в гору.

Он медленно поднялся по лестнице и заглянул в комнату сына. Вик уже спал, приняв успокоительное. Перebinтованная рука свешивалась с кровати.

Агата сидела в наушниках, качая головой в такт одной ей слышимой музыке. Она не заметила отца, и он решил не отвлекать ее. Конечно, ей надо было бы поспать, но когда такое творится... Пусть сидит. Павел прикрыл и ее дверь.

Девочке не мешала музыка. Она думала, но никаких выводов пока не получалось. Главное – подвал. И еще нечто, так напугавшее Вика. Истина крутилась возле этих вещей, но упрямо не складывалась в понятную картинку. Пока не хотела.

3. Будни Римаута

Павел уехал на работу еще до восьми.

Как ни странно, отделение банка здесь открывалось с утра, в часы, которые в большом городе показались бы слишком ранними. Но тут не нужно час (а то и больше!) добираться до работы. Не было метро. Не было душных автобусов. Соответственно, нет и пробок – весь городок можно было объехать за полчаса, а обойти пешком – за три. Четыре десятка улиц, центральная площадь с фонтаном перед ратушей, небольшие пригороды, упиравшиеся в лес, железнодорожная станция совсем уж на отшибе – вот и весь Римаут. Да, еще старое кладбище на пригорке возле северной дороги и узкая река, зигзагом пересекающая городок. Единственный мостик над ней, которому за двести лет и имя-то не присвоили. Просто – мост, другого-то нет.

Управляющий, господин Фредерик, уже ждал у входа в банк. Сидел в машине и читал что-то с экрана блестящего, явно дорогого телефона. У Фредерика наблюдались обширная лысина, трое детей и жизнь настолько размеренная, что он не отказался бы от дозы адреналина. Но вот беда – никаких волнений в жизни местных банкиров отродясь не случалось. Грабить здесь нечего, в хранилище денег меньше, чем в кассе приличного супермаркета. Все же теперь безналичным образом: карты, переводы, виртуальная экономика.

– Доброе утро, господин Фредерик!

– Аналогично, господин Фроман! Прекрасная погода сегодня, не правда ли? – Управляющий, слегка отдуваясь, выбрался из-за руля своей «тойоты», аккуратно запер ее и повел Павла к входу:

– Я распоряжусь предоставить вам право открывать помещение, – просопел он. – Вы же молодой, вот и будете приезжать первым. Традиция, знаете ли!

Фроман вежливо усмехнулся. Толстяку было просто неохота приезжать на работу первым, вот и все традиции. Но пусть будет так, это даже удобно.

– Как скажете, господин управляющий, – кивнул Павел. – Я очень рад этой работе.

Это правда. Он действительно был рад работе, рад новому дому – несмотря на вчерашние и ночные странности. Он был молод и уверен в себе, только с таким настроением надо браться за дело.

– Мне вчера звонил Каневски, расспрашивал о вас, – продолжил управляющий, звеня ключами. – Откуда, кто, рекомендации... Он очень дотошный господин, наш славный Томас! И это правильно, да, правильно. При его-то работе.

Дверь наконец поддалась усилиям Фредерика и открылась.

– Вот сбоку пульт сигнализации. Код три восьмерки двадцать, не забывают. Иначе все три машины местной полиции будут здесь через три минуты. Ничего страшного, меня и самого не раз пытались так арестовать! – управляющий заливисто засмеялся. Даже приезд дежурных служил каким-никаким развлечением в жизни. Павел бы не поручился, что шеф иногда специально не забывал отключить сигнализацию.

– Так вот, – мгновенно становясь серьезным, продолжил Фредерик. – Рекомендации у вас отличные, служба безопасности МаниКэн тоже проверила вас досконально. В общем, я его успокоил. Если бы не гибель бедняги Реца, вы бы вообще не попали в поле зрения Томаса. Кстати, он обещал зайти сегодня, что-то уточнить у вас.

– Никаких возражений, – сухо ответил Павел. Эта ищейка со скуки решила его замучить допросами вместо того, чтобы ловить настоящего преступника? Ну и нравы в этом городке...

– Не обижайтесь, господин Фроман! – управляющий посмотрел на него через плечо, отпирая очередную дверь. – Томас, как и я, здесь родился и вырос. Всех знает. После пожара, в котором погиб пьяница Маркас, уже с полгода никаких событий. Тишина. Скука. А Каневски одинок, отдает всего себя работе, дома-то делать нечего. Поговорите с ним еще разок, ведь это для вас не сложно?

Дверь в кабинет управляющего открылась, и они зашли внутрь. Обычное офисное помещение, ничего необычного. Несколько сертификатов с размашистыми подписями на стенах, стол, кресло, шкафы. Тянуло прохладой от висящей в углу сплит-системы.

– Я вчера опять не выключил кондиционер! – воскликнул Фредерик. Кажется, и это его развлекло. – Пора пить эти новые таблетки для памяти, пора...

Он показал Павлу его кабинет, остальные помещения банка – здесь и десяти комнаток не наберется. Но – МаниКэн, самый настоящий. Хотя и в игрушечном масштабе.

До обеда Фроман входил в курс дела, знакомился с коллегами, принимал первых посетителей. Обычная рутина, офисные стандарты. В свободные минуты ему показали кофемашину, и Павел с удовольствием сварил себе чашку американо. Жизнь входила в то русло, о котором он и мечтал в поисках работы, но потом пришел этот занудливый полицейский и испортил благостное настроение.

– Господин Фроман? – Каневски был подчеркнута обходителен, но настойчив. – Нам необходимо еще раз поговорить.

– Как вам будет угодно, – ответил Павел. – Но хочу заметить: вы вчера довели моего сына до стресса, я буду жаловаться!

Каневски сел в кресло для посетителей, выложил на стол из сумки уже знакомый блокнот, ручку и телефон.

– Сына? Я? Чепуха, – отрезал он. – Я был предельно вежлив. Ему нужно лечить нервы, если обоснованный визит инспектора полиции приводит к стрессу. Кстати, в чем этот... стресс выразился?

Павел коротко рассказал обо всех событиях ночи. Каневски сперва писал, потом отложил ручку и дальше просто смотрел на мужчину внимательным взглядом. В нем сквозило профессиональное недоверие, как у психиатра, принимающего явно ненормального пациента.

Закончив, Фроман добавил:

– Если не верите, уточните у доктора Кольбера. Мы его вызывали под утро. Он обрабатывал раны на руках и выписал сыну успокоительное.

– Уточню... – процедил инспектор. – Еще я уточню в отделе ювенальной юстиции, что грозит родителям, подвергающим здоровье подростка опасности. Но я зашел вовсе не за этим. Вы утверждаете, что больше не видели господина Реца после встречи у нотариуса?

Павел, кипя гневом, что они же с Марией могут оказаться виновными в испуге сына, кивнул. Говорить он опасался – сейчас скажешь этому служаке что-нибудь не то и окажешься крайним.

– А как вы объясните, что сторож на стоянке видел некоего незнакомого мужчину перед обнаружением тела убитого?

– Вы что, всерьез считаете, что я довез продавца дома до стоянки, изрезал его ножом, забрал деньги и поехал договариваться о школе для дочери? Ну, знаете...

Павел даже перестал злиться. Вся эта история начала напоминать ему плохой детектив. С элементами абсурда.

– Я пока не знаю, что считать, – осторожно ответил Каневски. – На вашей одежде должны были остаться следы крови, но все свидетели утверждают, что вчера вы не переодевались. Показания совпадают. Не знаю... Но мне кажется, что вы как-то замешаны в ограблении и убийстве. Все это дурно пахнет.

– Ничего никак объяснить не могу. Мне нечего добавить, – ответил Павел. Ну его к черту, этого чокнутого полицейского. Сам не понимает, что несет. Он, Фроман, – и убийство?! Какая чушь!

– Если что-то вспомните, – традиционно завершил разговор инспектор. – То позвоните. Вчера вот забыл оставить вам визитку.

Он положил бумажный прямоугольник на край стола и вышел из кабинета. Визитка немедленно полетела в корзину для бумаг, Павел даже не посмотрел, что там написано. Хватит с него, хватит!

Агата сверилась с навигатором в телефоне. Все верно: вот их дом, со спутника видно даже черточку будки во дворе. Вот начало улицы, выводящей к ратуше. А школа – единственная на весь городок – находилась слева от площади. Улица Бургомистров. Их улица, кстати, почему-то называлась улицей Башни. Какие-то средневековые воспоминания?

«Маршрут построен», – пропищала было трубка, но девочка уже свернула программу. Какой тут маршрут? Десять минут неспешной ходьбы.

Занятия начинались в полдесятого. Агата успела не только собраться, но и позавтракать. Правда, вдвоем с мамой, что всегда было испытание для нервов. Отец давно на работе, а проснувшийся Вик попросил принести еду ему в комнату. Больной же.

Пусть ест, где хочет, лишь бы не плакал.

На улице снова тепло. Даже странно, что она так замерзла во дворе вчера днем. Сегодня по ощущениям настоящее лето, да и деревья еще зеленые. Вот только небо... Ну и бог с ним, на осеннее небо можно не обращать внимания, хватает и других забот.

Калитка скрипнула, закрываясь, и Агата впервые вышла в город. Одно название, конечно, что город. Улица совсем сельская – с одной стороны ряд домиков, похожих на их собственный, а с другой – заросли высоких кустов. Тихое место, какой уж тут шум по ночам! Правда, в тупике, которым заканчивалась их новая улочка, стояла какая-то синяя машинка. А больше – никаких признаков жизни.

Она вспоминала, с чего все началось под утро. Вспоминала и шла по узкой полоске асфальта к перекрестку. Там их половинчатая улица соединялась уже с настоящей: такие же небольшие дома, утопающие в ветках деревьев, но по обеим сторонам дороги. Опять же – ни людей, ни машин. Городок казался вымершим, и только звук ее шагов нарушал тишину. Агата с интересом вертела головой, после Глобурга здесь все было в новинку.

Агату перед рассветом разбудил женский голос. Незнакомый, звучащий печально и тихо.

«Девочка... Мне нужна твоя помощь».

Вот так – ни больше, ни меньше. Конечно, она встала, оделась в то, что было под рукой и тихонько, стараясь не скрипнуть дверью, вышла в коридор. Темнота, да и спят все, но голос не утихал. Он звучал изнутри, в голове Агаты. Похоже на сон, только все это наяву.

«Я в подвале... Помоги мне! Никто больше не слышит...».

Ступеньки лестницы были еле видны, она нащупывала очередную ногой и спускалась, держась за перила. Почему-то не возникло ни малейших вопросов, кто зовет ее, и чем она может помочь. Агата прошла по первому этажу до дверцы, за которой начиналась подвальная лесенка. Всего десяток ступеней, выложенных из старых камней, но не прямо вниз, а из двух частей: пять ступенек, поворот направо на узкой площадке и еще пять вниз.

Странная конструкция, но и это ее не удивило.

Опомнившись, что слишком темно, Агата включила фонарик в смартфоне. Да, вот так гораздо лучше. Могла бы сразу сообразить.

Подвал был большим, длиной с весь первый этаж дома и лишь немногим уже. Кирпичные стены, арки, поддерживающие от обрушения, земляной пол с неплотно уложенными длинными досками в качестве покрытия. Не то, чтобы сыро, но... как-то влажно. Ноги в наспех надетых тапочках слегка скользят.

Груды ящиков. Не современных пластиковых контейнеров, нет – деревянных, из досок, с обитыми железными полосками боками. На уголках тоже отсвечивает металл. Какие-то бочки вдоль стен, заплывшие бутылки, доски, куча старой одежды в углу. Пачки старых газет, перевязанных истлевшей бечевкой. Пахнет сыростью и слежавшейся землей – в городе такие ароматы и не сыщешь, только где-нибудь в лесу.

В дальнем углу подвала желтой заплаткой на серо-коричневом фоне выделялась куча песка, частично раскиданного по полу, но явно брошенного на середине работы.

Яркая точка светодиода в телефоне освещала хорошо, но недалеко. Здесь бы обычный фонарь, на батарейках. У отца есть такой в машине, но не возвращаться же... Тишина. Нигде ничего не капает, не шуршит. Полностью мертвое место, кому отсюда звать, зачем?

– Здесь кто-нибудь есть? – шепотом спросила Агата. Звуки гасли, будто их впитывали стены. Никто не откликнулся.

А ведь страшно, запоздало подумала девочка. Сыро, холодно и неудобно. Ощущение полусна прошло, и она задумалась о происходящем. Кому здесь быть?

«Я здесь...», – вновь слышится в голове. – *«Помоги мне...»*.

Слова оборвались. Агата повертела головой, подсвечивая телефоном то ящики, то стены, заглянула в самые дальние уголки подвала. Потолок нависал над девушкой, словно давил ее своей бездушной громадой. Она взглянула вверх и увидела пробежавшие тени – словно дым, в порывах ветра ткущий странные картины. Женщина с собакой на поводке. Нет, не женщина, почудилось – просто движение, сотканное из паутины и ночного страха. Агата посветила туда фонариком и... Нет, никого. Она вернулась к лестнице наверх, вышла, и уже отсюда, с первого этажа, услышала истошный крик брата. Побежала и попала в свою комнату на секунду раньше родителей.

Она отвлеклась от воспоминаний.

Улица вывела Агату в центр городка. Вот здесь уже была какая-то жизнь, не то, что на окраине: пахло булочками из призывно открытой двери пекарни, молодой парень с ведром и тряпкой отмывал витрину магазина одежды от пыли. Очень медленно, изредка сигналив, проехала машина. Водителю приходилось пропускать всех – степенную даму с сумкой для покупок, пару школьников, полицейского, вышедшего из кафе с пончиком в руке.

Отец замучается здесь ездить, вдруг подумала Агата. Он же привык к большому городу, к

другим скоростям. Про Виктора – любителя погонять, и говорить было нечего.

Машина пропустила и ее, переходившую площадь перед ратушей, объехала фонтан по кругу и скрылась в одной из радиально уходивших в стороны улочек. Мимо проехал на велосипеде насуспенный почтальон, то ли сильно невыспавшийся, то ли болеющий чем-то. Уж очень у него было несчастное лицо. Хмурое и искаженное неприятной гримасой. Форменная сумка сползла с плеча и время от времени хлопала мужчину по бедру, тоже не добавляя ему оптимизма.

Странно, но в отличие от Глобурга, в городке вообще не было видно собак. Вот кошек – сколько угодно: и спавших на мостовой, и бредущих по своим делам; одна даже на бортике фонтана улеглась, внимательно рассматривая прохожих. А собак даже не слышно.

Школа нашлась ровно в том месте, где ее и советовал искать навигатор. Двухэтажный домик с крупной фигурой совы над входом. Птица выглядела сытой и довольной жизнью, что сразу поднимало настроение входящим. Внутри оказалось всего трое учителей, да и детей – от шести и старше – не больше трех десятков. Римаут совсем маленький, а в окрестных деревнях тоже не сказать, чтобы многолюдно.

– Меня зовут Агата Фроман, – представилась она всем сразу, заходя в класс.

Учительница, госпожа Петерс, кивнула, записала ее фамилию и предложила занять свободную парту. Таких мест было полно, но Агата предпочла сесть не одна, а рядом с девушкой чуть младше себя, с выкрашенными в розовый и фиолетовый прядями волос. Неожиданно яркое пятно в скучном школьном быте, надо было познакомиться. Краем глаза она оценила и пару парней чуть левее, один так, ничего... Но не к ним же было садиться.

– Я слышала, ты – Агата, – сказала новая знакомая и представилась сама. – Я Энни. Ты к нам надолго?

Агата расстегнула рюкзак, вынимая тетрадки. Потом поискала ручку.

– Не знаю. Пока папа будет работать здесь.

– А-а-а! Это же вы купили дом убийцы? – неожиданно спросила Энни. В глазах у нее были интерес и немного страха.

– Какого... убийцы?! – оторопев, переспросила Агата. Перед ее глазами мелькнул несчастный продавец дома, в последний раз смотревший на свой бывший дворик.

– Кукольника же! – откликнулась Энни. – Страшный человек, так моя мама говорит...

Госпожа Петерс неодобрительно глянула на девочек. Они замолчали, и начался урок: ненавистная математика, но что ж поделать. Агате было страшно интересно, почему господина Реца считают убийцей, но она сдерживалась до перемены. За открытым окном, словно комментируя скучные формулы на доске, переговаривались птицы. Вся атмосфера в школе, как и в остальном городке, была сонной, словно переехав сюда, проваливаешься лет на пятьдесят назад.

После урока девушки вышли из класса. В буфет идти было рано, а вот поговорить – в самый раз.

– А вы откуда приехали? – спросила Энни уже в школьном дворе. Короткая аллея и скамейки под фонарями напоминали городской парк. Только очень маленький. Карманный.

– Из Глобурга. Это на юге, – сообщила Агата. Она присела и обнаружила, что скамейка была неожиданно удобной. Даже лучше сидений у школьных парт.

– Я знаю, – махнула рукой Энни. – На географии рассказывали. Почти пятьсот километров отсюда. Там же у вас море?

– Море... – грустно ответила девушка. По нему Агата уже начала скучать. Безбрежная

синева, смыкающаяся с небом где-то вдаль, рыбацкие катера и птицы. Много-много птиц, с криками кружащих над причалами.

– У нас моря нет, – добавила Энни. – Только речка, но она совсем мелкая и неинтересная. Да и весь Римаут скучный как уроки у Петерс.

Они засмеялись, почувствовав, что так и начинается дружба. На день или на всю жизнь – тут уж как повезет, но взаимная симпатия налицо.

– А почему ты назвала кукольника... ну, Реца, убийцей? – спросила Агата. Этот вопрос очень мучил ее и наконец-то прорвался наружу.

– А ты про него ничего не знаешь? Ну да, второй день же в городе... Ну тогда слушай.

Еще полгода назад Антон Рец и его жена Лиза были обычными жителями Римаута. Не богатыми, но и не бедными. Средними.

У Реца была маленькая лавочка, магазин игрушек на улице Короля Вахо, в подсобке которой он устроил мастерскую – во дворе их дома была еще одна, но совсем уж маленькая. В «Игрушках Реца» продавались и обычные заводские развлечения для детей, но была отдельная полка с самодельными куклами. Нередкие в этих краях туристы, попав в магазин, охотно брали именно их. Что там трансформеры или вездесущие квадрокоптеры – их везде полно! А вот купить куклу в национальном наряде, да еще сделанную вот этим человеком, его руками, это – всегда привлекательно.

И Антон, и Лиза были местными, что в таких крохотных городках всегда важно. Их уважали многие, семья и магазинчик были частью Римаута, составной деталькой несложного механизма города. Единственным человеком, с которым у Антона были некоторые трения, был Маркас. Вроде бы бывший моряк, хотя это только слухи. Седой, вечно насупленный мужичок неопределенного возраста приехал издалека и купил по случаю домик рядом с магазином Реца. С этого все и началось.

Маркас крепко пил. Трезвым за год жизни в Римауте его видели нечасто, но и это бы и ничего – его жизнь, его проблемы. Он постоянно изводил соседа и магистрат жалобами на все подряд. Слишком шумные покупатели. Магазин игрушек якобы заслонял ему солнце. Рец – опять же с его слов – воровал с крыльца газеты, которые по старинке выписывал Маркас.

Потом занудный старик переключился на собак. Ему мешали решительно все псы городка, которых и так было немного. Они лаяли. Они пытались на него напасть. От них блохи и инфекции. Потом собаки начали пропадать, их безуспешно искала полиция, но... В общем, Маркаса подозревали в причастности к травле друзей человека. Никаких доказательств не было, однако и другой кандидатуры – тоже.

И так изрядно уставший от надоевшего соседа Антон водил своего Уми на поводке. В наморднике, хотя собака была исключительно доброй. Старался никогда не упускать из виду, даже работая в мастерской. Дома всегда пристегивал Уми во дворе, возле будки. Делал, что мог, но так и не уследил.

Трагедия разыгралась в начале марта. Уми был привязан возле прилавка магазина, в глубине лавки, чтобы не мешать покупателям. Антон отошел в мастерскую, доделывая одну из кукол. Колокольчика у входа не слышал, значит, и покупателей не было.

– И куда делась собака? – замерев от рассказа, спросила Агата.

– Погоди... Здесь и начинается самое страшное.

4. Встреча

По дороге из школы Агата вспоминала рассказ Энни. Да уж, никому не пожелаешь такого окончания истории.

Рец искал собаку по всему городу. И один, и вместе с Лизой: они то объединялись, выкрикивая кличку, обходя улицы, то расходились, решив проверить одновременно разные места. Все было напрасно. От Уми остался обрезанный – явно ножом – кусок поводка там, у прилавка, и больше ничего.

Кукольник разозлился. Он не пропустил мимо ушей все предыдущие слухи. Сейчас он не без оснований полагал, что виноват Маркас. Соседи видели, как Антон после долгих напрасных поисков пришел к соседу своей лавочки. Они долго спорили возле дома, кричали, явно ссорились. Разумеется, Рец ушел ни с чем – ни собаки, ни какой-то информации он не получил. Обратился в полицию, где к нему отнеслись с сочувствием. Комиссару Брону было не по должности обходить домовладения, но даже он ездил по Римауту в поисках Уми. Каневски проявил прямо-таки небывалую энергию, дважды заходил к Маркасу, чем крепко разозлил старого пьяницу.

Опять же соседи потом рассказывали, что Каневски во второй раз выскочил из домика Маркаса, как ошпаренный, сопровождаемый отборной руганью моряка. Чуть фуражку не потерял во дворе.

К ночи Рец устал искать, потеряв последнюю надежду. Он отправил Лизу домой – это слышал один из полицейских, оказавшийся рядом, – а сам поехал куда-то на машине.

Агата вздохнула. С ее фантазией было даже страшно вспоминать дальнейшую историю, но деваться некуда. Она чувствовала, что разгадка всего, что происходит сейчас, лежит вот в этом недавнем прошлом.

Дом Маркаса загорелся уже после полуночи. Соседи не сразу заметили, только когда пламя набрало силу, начали лопаться стекла окон, и языки огня выметнулись вверх, облизывая крышу. Своей пожарной команды в Римауте не было никогда, а пока приехала вызванная из Адлерауге... Дом сгорел наполовину, остатки его являли жутковатое зрелище. При разборе завалов нашли и то, что осталось от Маркаса. Даже бывалые пожарные и помогавшие им местные полицейские ужаснулись: сгорбленное, усохшее, с прижатыми в позе боксера к груди руками тело, в котором из-за испепеляющего пламени осталось мало человеческого, отыскалось на месте кухни. Бурые, перевитые высохшими до состояния веревок мышцами, кости и обугленный череп. Череп был проломлен на затылке, что навевало нехорошие мысли о причине смерти, да и последующего пожара.

Судя по зубам, оставшимся в обгоревших челюстях, никаких сомнений быть не могло – это именно хозяин дома и никто иной. Но полиция нашла и еще кое-что: за домом валялись две пустые канистры, остро вонявшие бензином. Картина обрела очертания, рамку и даже подпись – умышленное убийство и поджог с целью скрыть следы.

Вот только кто автор?

Наряд полицейских, посланный для задержания господина Реца, не обнаружил дома никого. Ладно, самого Антона не было – видимо, испугался сделанного, и сбежал, но где Лиза? Ее телефон лежал на кухне и был выключен. Больше никаких следов.

В доме оставили полицейских и не прогадали. Уже утром мертвецки пьяного кукольника на машине привез его приятель из Адлерауге. Сам господин Рец с трудом

понимал происходящее, он редко пил и ему явно хватило принятого ночью спиртного, чтобы не приходиться в рассудок до полудня. Но самое интересное, что приятель клялся – Антон приехал к нему накануне вечером и сразу потащил пьянствовать. Не позднее девяти часов, и никуда не отлучался. Да и не смог бы, в силу слабости организма к спиртному. Плакал, рассказывал о поисках Уми и обещал отомстить Маркасу, только вот быть после полуночи в Римауте никак не мог.

Показания приятеля проверили. К счастью, в тот вечер они сидели в кафе, и свидетелей было не то, что много – десятки. Ни одно алиби так специально не выстроить.

Комиссар Брон, лично проводивший допросы – и сразу, и когда Рец пришел в себя, – отступился. Несомненно, основной подозреваемый, но... Он физически не мог совершить убийство и поджог. Для большей путаницы выяснилось, что Лиза бесследно исчезла – в соседний город с мужем она не поехала, а дома ее нет. Она убийца? Полицейские растерялись. Никак не складывалось это в головах тех, кто знал ее с детства.

Естественно, Антона освободили, хотя дом и лавку оставили на некоторое время под присмотром полиции. Прослушивали телефон кукольника. Все было бесполезно, Лиза бесследно исчезла, и никакие поиски не дали результата. Сам Рец продал лавочку одному из торговцев овощами, давно искавшему удобно расположенный магазин, и почти все деньги потратил на поиски жены.

Полиция негласно следила за его действиями, искала сама, но Лизу никто так и не нашел. Опять же, обвинить Реца, что он похитил или убил свою супругу, тоже не получалось – ее видели в Римауте ищущей собаку в тот день почти в полночь. Муж уже вовсю пьянствовал за сорок километров отсюда.

Замкнутый круг. Одно из странных уголовных дел, которые случаются и в наши дни, несмотря на обилие техники, интернет и самые совершенные методики поиска.

За спиной Агаты коротко просигналила машина. Девушка, не оборачиваясь, отошла к обочине, думая, что мешает проехать, но автомобиль медленно остановился рядом с ней. Синий «пежо». Забавно, она недавно такой где-то видела. Не он ли ехал, когда она шла в школу? Впрочем, популярная модель, здесь, наверное, полно именно таких.

– Добрый день! – вежливо поприветствовал ее мужчина за рулем. Он опустила боковое стекло с пассажирской стороны, чтобы его было хорошо слышно. Кроме него, в машине никого не было.

– Добрый... – настороженно ответила Агата. В голове сразу мелькнули десятки маминых предупреждений о том, что от незнакомцев надо держаться подальше. Да и постоянные новости в интернете о пропавших людях не добавляли оптимизма.

– Не бойтесь, я не маньяк! – засмеялся мужчина. На вид ему было около тридцати, широкая располагающая улыбка и внешность, чем-то похожая на отцовскую. Только волосы темнее. – Нам бы поговорить, госпожа Фроман...

Ух ты! Госпожой ее не называли года три, со времен наказания в глобургской школе за побитого одноклассника. Впрочем, не надо расслабляться – у маньяков и должна быть располагающая внешность, иначе кто же с ними пойдет.

– Секунду... – увидев ее отчетливый испуг, сказал мужчина. – Моя фамилия Лири, я служу в Европейском бюро санитарного контроля. Вот мои документы.

Чиновник протянул в окно пластиковую карточку, переливающуюся на солнце голограммой из звездного круга Евросоюза. Агата сделала шаг ближе к машине,

рассматривая удостоверение. Фотография точно его, карточка на вид настоящая. ЕБСК, специальный агент второго класса. Отдел «М», что бы это ни означало.

– Кто мешает агенту быть маньяком? – резонно поинтересовалась девушка, но Лири уже видел, что она по крайней мере готова с ним разговаривать.

– В принципе никто! – снова засмеялся специальный агент. – Вы совершенно правы. Но у меня обычно нет времени на жуткие убийства и не менее жестокие изнасилования, поверьте. Просто своей работы много.

Агата улыбнулась в ответ. Смешной! Именно такой встречи ей и не хватало после того, как в голове прокрутился рассказ Энни. Забавный дядька, жаль только, что старый.

– Но в машину я к вам не сяду, дураков нет! – ответила она. – Выходите, здесь и поговорим. Я всегда интересовалась санитарным контролем.

– Серьезно? – агент выехал на обочину перед Агатой и заглушил двигатель. Выбрался наружу, оказавшись довольно высоким и стройным господином. – В ведении нашего бюро масса интересного, это вы правы. Канализация, нашествия саранчи, кислотные ливни и посадка неопознанных летающих объектов.

– Вау! Они существуют?

– Я мог бы рассказать подробно, но... – он развел руками. – Боюсь, придется потом стереть вам память. А я как назло забыл дома солнечные очки.

Они рассмеялись, на этот раз одновременно.

Купить полную версию книги - <https://knigoed.net/url/4kw>